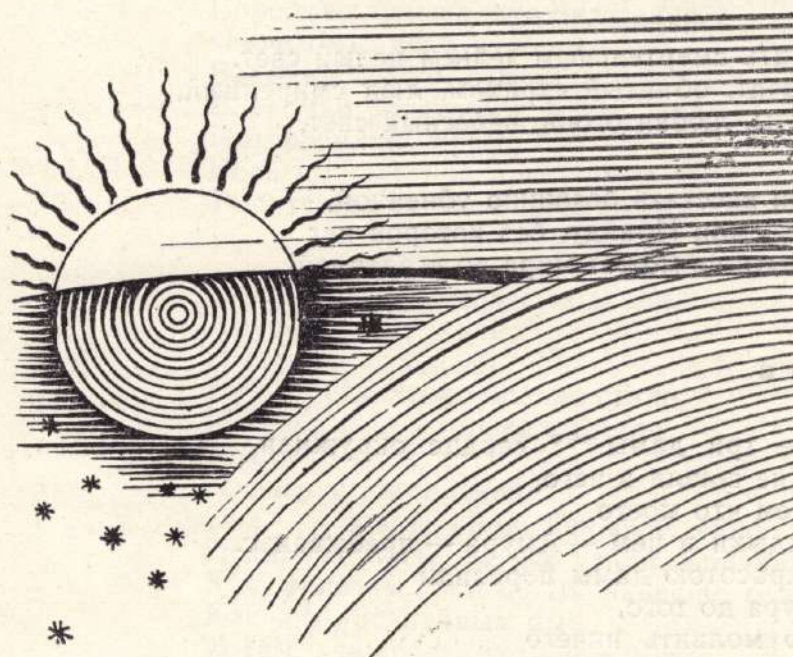

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Из книги «РИФМЫ»

К 700-летию со дня рождения

Перевод
с итальянского
ЕВГЕНИЯ
СОЛОНОВИЧА

Написанные в разные годы и на разные темы сонеты, канцоны, баллады и станцы Данте, не включенные поэтом в его юношескую «Новую жизнь» и в более позднее его произведение — «Пир», увидели свет, когда великого флорентийца уже не было в живых. Они составили отдельную книгу стихов, получившую название «Rime» («Рифмы» или «Стихотворения»). Несмотря на двухсотлетнюю известность Данте в нашей стране, русский читатель до сих пор не знаком с этой книгой, составляющей значительную часть творческого наследия поэта.

Вовек не искупить своей вины
Моим глазам: настолько низко пали
Они, что Гаризендой* пленены,
Откуда взор охватывает дали,
Проспали (мне такие не нужны!)
Ту самую, которая едва ли
Не краше всех, и знать они должны,
Что сами путь погибельный избрали.

* Гаризенда — наклонная башня, одна из достопримечательностей Болоньи.

А подвело мои глаза чутье,
Которое настолько притупилось,
Что не сказало им, куда глядеть.

И принято решение мое:
Коль скоро не сменю я гнев на милость,
Я их убью, чтоб не глумили впредь.
Недолго мне слезами разразиться
Теперь, когда на сердце — новый гнет,
Который мне покоя не дает,
Но ты, господь, не дай слезам пролиться.

Пускай твоя суровая десница
Убийцу Справедливости* найдет;
Он яд великого тирана** пьет,
Который, палача пригрев, стремится

Залить смертельным зельем целый свет.
Молчит, объятый страхом, люд смиренный,
Но ты, любви огонь, небесный свет,

Вели восстать безвинно убиенной,
Подъемли Правду, без которой нет
И быть не может мира во вселенной!

■ ■ ■

Мое три дамы*** сердце окружили,
Но не вошли в него,
Затем что моего
Владыки в нем — Амура — пребыванье.
И красотой дамы поразили
Амура до того,
Что молвить ничего
Не в силах он и погружен в молчанье.
Усталость, безутешность и страданье
Несут они, изгнанницам под стать,
Не смея уповать
На собственную добродетель боле.
Достойны лучшей доли,
Когда-то были все они любимы,
Не то что ныне, и, не пряча боли,
Теперь, людьми гонимы,
Они пришли как будто к другу в дом:
Ведь я сказал, кто пребывает в нем.

* Убийца Справедливости — папа Климент V, отлучивший от церкви императора Генриха VII, в котором Данте видел носителя идеи всемирного государства, призванного, по мнению поэта, положить конец феодальной раздробленности и беззаконию в Италии и во всем мире.

** Великий тиран — король Франции Филипп Красивый, покровитель Климента V.

*** Согласно комментарию Пьетро Алигьери, сына Данте, три аллегорические дамы представляют собой божественную Справедливость, человеческую Правду и Законность.

Подрезанной, к земле поникшей розы
У первой дамы вид;
Она судьбу корит;
Одна рука — страдания колонна —
Обнажена, по ней струятся слезы,
Другую — лик сокрыт,
Что слез дождем омыт.

■ ■ ■

Боса, но видно — высокорожденна;
И сквозь худой покров Амур смущенно
Приметил то, о чем не говорят,
И, жалостью объят,
Спросил владыка, кто она такая.
«Почти что всем чужая, —
Вздыхая тяжко, отвечала дама. —
Влекомая родством с тобой, сюда я
Поторопилась прямо:
Ведь мне сестрой приходится твоя
Родительница. Справедливость я».

Потом о тех, которые молчали,
Амур спросил у ней,
И стыдно за людей
Ему и бесконечно больно стало.
И снова слезы горькие печали
Упали из очей,
И, загрустив сильней,
Она — в ответ: «Как, неужели мало
Недавних слез? Но все узнай. Сначала,
Как, впрочем, знаешь ты, наверно, Нил*
Ключом прозрачным был,
И там, где зелень уступила зною,
Над девственной волною
Я дочью вот этой разрешилась,
Что светлой утирается косою.

А там и дочь склонилась
Взглянуть на отражение свое
И родила. Вот эта — дочь ее».

Крепился бог любви что было мочи,
Рассказом потрясен,
И, прослезившись, он
Любезно дам приветствовал впервые
И стрел коснулся: «Поднимите очи —
Бездействием урон
Оружью нанесен,

* Нил — по средневековому представлению, одна из четырех рек земного рая.

Сверкавшему во времена былые.
Умеренность и Щедрость и другие
Родные наши нищими бредут.
И пусть рыдает люд
И вслух судьбу корит многогласо —
С него не будет спроса,
А нам никак нельзя — по той причине,
Что мы спустились с вечного утеса,
И как бы худо ныне
Нам ни было, родится снова тот,
Кто этим стрелам блеск былой вернет».

И я, внимая слову угешенья,
Хоть не ко мне оно,
А к трем обращено
Изгнанницам, горжусь моим изгнаньем.
Пусть белыми по воле Провиденья
Цветам не суждено
Пребыть, но, заодно
Кто пал с достойными, того признаньем
Не обойдут. И если б расстояньем
Я не был от красавицы моей
Отторгнут и о ней
Не грезил, мне еще бы легче было.
Но плоти не щадило
Негаснувшее пламя, и на страже
У сердца смерть стоит — уж подступила.
Будь я виновен даже,
Недолго прожила моя вина,
Раскаяньем давно погребена.

Да не притронется ничья рука,
Моя канцона, к твоему наряду:
Пускай доступным взгляду
Любуются и в сладостную суть
Не тшатся заглянуть.
К тебе, однако, если обратится
Друг добродетели, не обессудь
И, прежде чем открыться,
Вся просветлей — цветка цветущий вид
Желанье в пылком сердце породит.

Канцона, птицей белой* мчись на лов,
Канцона, черными лети борзыми,
Что путь под отчий кров
Отрезали, меня лишив покоя.
Ни от кого скрывать не вздумай, кто я;
Разумные уметь прощать должны:
Прощенье — наилучший лавр войны.

* Белая птица и черные борзые — намек на флорентийские партии белых и черных гвельфов.